

БРАТЬЕВ Локисов было четверо. Четверо сыновей председателя колхоза, убитого людьми Домового. Яунис — младший. Юный и долговязый. Чуть не складнее братьев, чуть испуганнее, чуть слабее. Играл его в фильме «Никто не хотел умирать» студент юридического факультета Вильнюсского университета, никогда прежде не игравший и не снимавшийся. Фильм Витаутаса Жалакявичюса имел большой успех, получил премию Ленинского комсомола, заговорили и об актерских удачах — Баниониса, Адомайтиса, Ои, Мясюлиса. Лев Кулиджанов писал: «Витас обладает подлинным талантом создавать актерский ансамбль! Режиссер умеет безошибочно выбрать актера на ту или иную роль и в процессе работы с ним взять у него все лучшее, что тот может дать».

Студент Будрайтис продолжал свои занятия юриспруденцией и нисколько не собиравшись становиться актером. Хотя предложения были. Один актер как-то сказал, что добился успеха благодаря фильмам, от которых имел мужество отказаться. Мужество у Юозаса Будрайтиса было, но появилось и любопытство, что же такое — кино? Любопытство легкое. Ненавязчивое. Была роль в литовской короткометражке «Колодец» И. Руд-Герцовского, Дитрих в «Щите и мече» В. Басова. Занятия в университете шли своим чередом... Не оставляли его без внимания и театральные режиссеры. Было несколько интересных предложений в литовские театры. Юозас ездил, прободался.

Сейчас ситуация, наверное, выглядит несколько драматичнее, чем она была. А было так. Юозас еще не кончил университет, который пришлось бы бросить, уйдя он в театр, — а он думал об аспирантуре, о своем юридическом будущем. И все-таки это было непростое — отказаться от таких заманчивых предложений и стать «чистым» киноактером. И разговор наш долго кружит вокруг театра. Юозас деликатно позоряет, что тогда он еще не кончил университет. Понимая, что так говорить и молчать можно вечно, и чувствуя, что иначе я догадаюсь, если он сам не скажет, осторожно проговаривает — просто смелости, наверное, не хватает...

...Тут ведь иная смелость нужна. — И неожиданно добавляет: — Потом, знаете, ведь жалко время тратить — вдруг в театре я ничего не сумею? Так и буду там в статистах ходить... У меня дикции, артикуляции нет, а там все это необходимо. Перед камерой мне легче, на сцене я бы стал разглядывать бутафорию, не смог бы войти в ситуацию... Но, безусловно, я хотел бы пойти в Пяневежский театр. Я уже иногда подумываю, что мне пора в театр. Надо вот только что-то сделать в кино серьезное и тогда идти. Но как-то все мимо.

Он недоволен своими работами в кино. Первая — да, удача. Скорее счастливое знакомство с кинематографом. Яунис Локис ему этим и дорог. Потом — Андрус в «Чувствах» (так он сам

распределяет свои роли). «Я там в первый раз более или менее профессионально играл». Еще он называет «Колонию Ланфиер» (это советско-чешская постановка) и литовский телефильм «Вся правда о Колумбе» Жалакявичюса. Немного, если вспомнить, что он снялся в 21 фильме.

Его герои замкнутые, неустроенные. Они ищут всемирного счастья, и «дешевле они не примирятся» — такой у него Зигмас Альсис в «Мужском лете», другие поглощены самосозерцанием, пытаются разобраться в своих чувствах и мыслях; часто стоят они перед иероглифом многозначных решений, долго, томительно долго выбирая единственное. Его герои редко имеют крышу над головой — обыкновенную крышу. Случайная деталь? И да, и нет. Но деталь, каким-то образом определяющая характеры, — и она словно сводит их под одну... крышу. А Будрайтису она и низковата. Ему уже надо стать во весь рост — сыграть то, что он в себе накопил с тех пор, как был младшим Локисом. «Нет у меня такой роли».

ПОРТРЕТЫ МОЛОДЫХ

АКТЕР ЖАЛАКЯВИЧЮСА

Москвичев 1983, 16/17

И он рассказывает мне простую, почти банальную и почти хрестоматийную историю, которую можно было бы назвать историей актерской зависти. В Москве, в гостинице, после съемок, вечером, почти случайно, включил он телевизор. Шла передача, посвященная песням Никиты Богословского в кино. Он увидел фрагменты из фильма «Два бойца». Марк Бернес пел — «Темная ночь...» Потом шли эпизоды с Петром Алейниковым, Борисом Андреевым. Это были старые фильмы.

— Я смотрел и вспоминал, как все это было, как я бегал в кино («на Бернеса», «на Андреева»). Это время моего детства... А теперь, скажем, снялся я в фильме «Девушка в черном» или в «Этой проклятой покорности» — и своего ничего не выразил, и нет там того, что называют временем! Вот мы с вами, и каждый — современные люди. Мы живем сегодня, и как бы ни были архаичны или суперсовременны — все равно в нас есть сегодняшний день, сегодняшнее время. Вот как об этом рассказать? Конечно, можно взять любую тему. Надо только талантливо подойти. Уметь это кинематографически внятно и значимо выразить. Но ведь это может и не отразить характера наших дней. Будут продемонстрированы возможности тогда или иного режиссера в данное время. Но само время — его как показать?

Может быть, эта неудовлетворенность кинематографом удерживала его в стенах университета? Хотя и туда он пришел не так уж случайно. Еще в армии

его избрали народным заседателем. Оказалось интересным разбираться в кодексе, законах, параграфах. Он продолжал учиться, не искушаясь соблазнительными приглашениями студий. Что-то ему мешало оставить университет. «Вы думаете, меня так и будут все время снимать? Еще два года понимают и перестанут» — «Это почему же вы так решили? Ведь вы еще не достигли актерской зрелости». — «Она может прийти и поздно. И почему я должен думать, что, когда наступит актерская зрелость, меня еще будут снимать?»

ОПРЕДЕЛИТЬ, когда возникает интерес артисту и когда он падает, — хитрая штука. Специально об этом никто не думает. Актер интересен, если он индивидуальность. Если же ее нет и актер делает на сцене лишь то, чему его научили в школе, — это урок подражания. И не больше. Формально — у Будрайтиса нет школы. Он так и не пошел на актерский факультет. Однажды он туда заглянул, посмотрел, что там и как, и не пошел. Школы нет, но он сам называет учителя — Жалакявичюс. А тот, на вопрос, как он работает с актерами, отвечает: «Я не связываю их творческой инициативы, я только стараюсь помочь им понять мой замысел».

Когда еще начинались съемки фильма «Это сладкое слово — свобода!», Жалакявичюс сказал, что будет снимать актеров, «которых знает и которых хотел бы узнать». При его нелюбви и боязни окончательных оценок, итогов он тогда не назвал имен. Не назвал, потому что

не был уверен, что любопытному они скажут то, что говорят ему. Но сказав — «актера, которого хотел бы узнать», он уже учуял неожиданность в личности Будрайтиса.

Выбор Жалакявичюса в известной мере определил судьбу Будрайтиса. И Юозас осторожно и медленно, словно сопротивляясь, но шел в кино. Жалакявичюс «заразил» его кино. Приучил к самому важному — достигать цели. Обнаружил в нем настойчивость, которая, кажется, не была известна и самому Будрайтису. Царского пути нет ни в геометрии, ни в кино. Юозас трудно шел в гору, часто спотыкаясь, возвращаясь на старое место, но шел. Жалакявичюс научил его идти только вперед. В середине нашего разговора, когда Юозас, кажется, убедился, что я не противник его, а единомышленник, он страстно и запальчиво, словно кто-то возражал ему, сказал о Жалакявичюсе: «Это удивительная личность! Он поражает всем — умом, эрудицией, человечностью. И у него удивительное умение работать с актером!»

Он может взять любого человека и сделать из него актера, потому что он никогда не идет против природы. Всегда сначала посмотрит, что за человек. А ведь каждый человек имеет свое. У всех есть багаж мыслей, эмоций. Надо только «распаковать» его. Он психолог очень осторожный. Подходит к каждому внимательно-внимательно... Я не хочу, чтобы вы думали, что я идеализирую его. Нет, он не святой, как и все мы. Но это очень талантливый человек! Я бы снимался у него каждые полгода, если бы он меня только снимал!»

За это время он снялся во всех фильмах Жалакявичюса (в «Сладком слове» он играет Фелисио) и в тех лентах, что ставились по сценариям этого режиссера. Вроде бы можно говорить, что Будрайтис актер Жалакявичюса, актер, который постиг превращения. «Нет, вряд ли,—возразил он мне.— Если я в жизни не мог как-то поступить или мне было бы скверно, поступи я так, как же я могу играть такую роль?»

Юозас говорил о том, что ему кажется главным в этих «таинственных метаморфозах». Но невольно ждал вопросов, которые обычно задают актерам. Он сам перешел к последним работам, но заговорил все-таки не о них. На одной из картин почти все крупные кадры снимали «восьмеркой» да еще статичной камерой, а когда так снимают, то уж, как бы актер ни играл, все кадры похожи друг на друга. Камера «застыла», она лишь дает снятый на пленку «театр».

Кинематографом тут и не пахнет. Юозас так этим возмущался, словно знал, как поступить лучше. Оказалось, что он хотел стать оператором и все операторские «ходы» воспринимает поэтому особенно остро. Фраза о свободном времени все-таки прозвучала. — Свободное время? — переспросил он. — Правда, были пять месяцев, когда его хватало.

На съемках фильма «Да будет жизнь» он упал с обрыва с лошади. Сейчас, при решении вопроса, в каком фильме сниматься, одна из ролей «перевесила» — она была с лошадьми, которых он теперь, как ни странно, очень любит.

В числе любимых актеров он назвал Питера О'Тула, Стайгера, Брандо, Габена, Яврата, Симона, Бельмондо. «Нравится Смоктуновский. Вот Циолковский у него, например... Пуговица на пальто застегнута самая последняя... Шарф намотан бинтом. И по таким деталям он уже делает характер! Вы заметили, как он палочкой водил... Стоял-стоял, а потом как-то так... рисует...» Юозас легко прошелся по комнате, остановился. Ссутулился, согнулся и из-под руки стал что-то чертить тонким прутиком... И неожиданно стал похож. Превращение случилось легко. Почти случайно.

Спрашиваю, не хочет ли он написать сценарий, ведь у него есть статьи в журналах. Он тут же обрушивается на меня: «Я же не умею! Вот я читаю сценарий, — Юозас берет со стола первый, что попал в руки, верхний, и читает: «А жизнь на селе лучше стала, Федя!» И почему я Феде должен «Федя» говорить, когда можно посмотреть на него, и все станет ясно. У Жалакявичюса так не бывает. Мой Фелисио в «Сладком слове» просит Франсиско: «Одолжи мне деньги!» — «У меня нет денег, сам теперь не оборачиваюсь». — «Тогда мне плохо. Тогда мне хуже всех в Америке!» Как я любил эту фразу! Я каждый день ее повторял, но не знал, как сыграть. Надо, чтобы она зазвучала, — ему действительно хуже всех в Америке! Ну — хуже всех, вообще — хуже всех! И как был рад Витас, что мне эта фраза понравилась».

Скоро на экраны страны выйдут «Это сладкое слово — свобода!», «Человек в штатском». Мы познакомимся с новыми ролями Юозаса. Может быть, они станут его лучшими работами. А если случится, что будет неудача и кто-то усомнится в Будрайтисе? Писатель как-то сказал: «Постой здесь, фраза, постереги вещи, пока я приведу сюда другие слова!» Слова эти приведет сюда Удача, и будет у нее имя нового героя Будрайтиса.

Л. ИГУМНОВА.